

Глава 2. Пережитки феодализма

— Давно не виделись.

Мо Чуань снял чжаньгай и, опустив ресницы, слегка кивнул мне. Мимолётное выражение на его лице тут же исчезло, а на губах появилась вежливая улыбка, словно он был искренне рад нашей встрече после долгой разлуки.

— Бай Инь только сегодня приехал, я просто показываю ему окрестности, — сказал Янь Чувэнь. — Ты занимайся своими делами, не обращай на нас внимания.

В университете они с Мо Чуанем были одноклассниками и даже жили в одной комнате, так что их отношения всегда были хорошими. Позже, когда Янь Чувэнь решил бросить работу, поступить в аспирантуру и под руководством профессора Гэ перебрался сюда на несколько лет, их общение с этим божественным сыном Цэнлу стало ещё теснее.

Честно говоря, если бы я не был уверен, что Янь Чувэнь поглощён исключительно наукой и равнодушен к сердечным делам, а Мо Чуань ни за что не стал бы встречаться с женщиной, я бы заподозрил, что у них за моей спиной что-то было.

— Ну что ты, — Мо Чуань тут же отверг предложение Янь Чувэня. — Гость, прибывший издалека, — всегда почётен. Бай Инь — гость, и ты тоже гость. Невежливо заставлять одного гостя принимать другого. — Он обернулся и позвал кого-то в храм. Вскоре из зала быстрым шагом вышел мальчик из народа Цэнлу.

Мо Чуань подозвал его к себе.

— Скоро Праздник зимнего урожая, многие соплеменники съехались в Пэнгэ, так что у меня совсем нет времени. К счастью, есть Ли Ян. Он вырос здесь и знает этот храм лучше всех, кроме меня.

Мальчик был типичным представителем народа Цэнлу: высокий нос, глубоко посаженные глаза, смуглая кожа. На вид ему было лет шесть-семь, и на его щеках ещё играл детский румянец.

После того как новый Яньгуань вступает в должность, он должен выбрать себе приёмного сына, или, скорее, ученика, из числа детей племени не старше трёх лет. Имена всех детей записывают на табличках, кладут в серебряный кувшин, и оракул, совершив ритуал, волею небес определяет следующего Яньгуаня, угодного Шаньцзюню.

Хоть я и не видел этого обряда, но догадался, что этот ребёнок, должно быть, и есть приёмный сын Мо Чуаня.

Мальчик с любопытством взглянул на меня, затем перевёл взгляд на Янь Чувэня и послушно произнёс:

— Здравствуйте, учитель Янь.

Его язык Ся был не таким беглым, как у Мо Чуаня, но вполне понятным.

Мо Чуань, наклонившись к мальчику, объяснил:

— Это друг учителя Яня. Он только сегодня приехал в Пэнгэ и хочет осмотреть храм. Я занят,

так что прими их вместо меня.

Услышав слова Мо Чуаня, я едва сдержал смех. В голове тут же всплыла знаменитая фраза из фильма: «Он даже не захотел назвать меня крёстным отцом».

Мы вместе ели, ходили на занятия, ночевали в одной палатке, а в итоге он даже не захотел назвать меня «другом».

— Хорошо, я покажу им всё, — с серьёзным видом кивнул Ли Ян, будто Мо Чуань поручил ему важнейшее задание.

Мо Чуань погладил его по голове и с виноватым видом обратился к Янь Чувэню:

— В таком случае, я вас покину.

Всё это время он смотрел только на Янь Чувэня, не удостоив меня даже беглым взглядом.

— Ничего, как освободишься, так и встретимся, — Янь Чувэнь, не заметив ничего странного, махнул рукой и велел Ли Яну идти вперёд.

Расставаясь, мы с Мо Чуанем, словно сговорившись, обошлись без прощальных любезностей и одновременно разошлись в разные стороны.

Пройдя несколько шагов, я не удержался и обернулся, но увидел лишь удаляющуюся белоснежную спину Мо Чуаня.

Длинное украшение из янтаря и лазурита — бэйюнь — спускалось до самых колен и при ходьбе покачивалось по обе стороны от позвоночника, подчёркивая едва заметные очертания лопаток под тканью.

Что за прекрасный вид со спины...

Возможно, почувствовав мой взгляд, удаляющаяся фигура вдруг остановилась. За мгновение до того, как он обернулся, я стремительно отвлёл глаза и, ускорив шаг, догнал Янь Чувэня и Ли Яна.

Территория храма была небольшой. Кроме главного зала, за ним стоял лишь двухэтажный деревянный домик. На первом этаже висели портреты предыдущих Яньгуаней, а на втором жили Ли Ян и племянник Мо Чуаня.

Яньгуань народа Цэнлу, подобно буддийским монахам, после избрания должен был отречься от своей семьи, мирских страстей и провести всю жизнь в храме в чистоте и воздержании.

Это место было святыней для всего Цояньсуна, самой священной землёй в сердцах народа Цэнлу. По правилам, здесь могли жить только оракул и его ученик. Но Мо Чуань, вопреки всеобщему мнению, настоял на том, чтобы его племянник тоже поселился здесь.

Из-за этого старейшины племени чуть ли не пошли с ним на открытый конфликт. Лишь вмешательство секретаря деревенской партийной ячейки, который, опасаясь беды, пригласил для урегулирования спора губернатора, помогло найти компромисс: мальчик мог жить в храме, но только до восемнадцати лет.

Конечно, Ли Ян нам об этом не рассказал бы — в то время он и ходить-то толком не умел. Я же знал всё в таких подробностях благодаря «прямым трансляциям» Янь Чувэня.

Если уж даже такой далёкий от сплетен человек, как Янь Чувэнь, так увлёкся этой историей, можно представить, какой тогда был шум.

Если посчитать, тому мальчику сейчас должно быть уже шестнадцать. И, кажется, он был метисом, рождённым от представителя народа Ся.

— Почему ты один? Где второй? — мне всегда было интересно посмотреть на этого ребёнка. Говорят, племянники похожи на дядю, и мне хотелось узнать, насколько он походил на Мо Чуаня.

— Цягу? — Ли Ян склонил голову набок и с детской непосредственностью ответил: — Он учится в городе, это очень далеко, поэтому приезжает только на каникулы. Мне ближе, но пешком идти два часа, так что я обычно живу в школе и возвращаюсь только на выходные.

— Цягу... — я порылся в памяти и быстро нашёл соответствующее слово на языке Ся. — Орёл?

Ли Ян удивлённо посмотрел на меня:

— Вы говорите на языке Цэнлу?

Даже Янь Чувэнь был поражён:

— Ты когда успел выучить их язык?

Когда?

Наверное, за последние семь лет, понемногу. Сейчас я могу кое-как поддерживать разговор, но не собираюсь посвящать в это Янь Чувэня, чтобы избежать лишних догадок.

— Просто случайно знаю это слово, — чтобы он поверил, я привёл пример: — Я вот знаю, как по-французски будет «привет», но это же не значит, что я говорю по-французски.

Янь Чувэнь успокоился:

— А я уж испугался. Подумал, ты втайне выучил язык Цэнлу.

Ли Ян кивнул:

— Да, «орёл». У Цягу есть ещё имя на языке Ся — Хэ Наньюань. Это тоже значит «орёл», орёл Шаньнаня.

Шаньнань — провинция на юго-западе страны, обширная и многонациональная. Цояньсун, где испокон веков жил народ Цэнлу, был лишь одной из восьми автономных областей в её составе.

Орёл Шаньнаня. Имя не слишком вычурное, но и не простое. В самый раз.

Недалеко от домика, у стены двора, стояла пристройка из цементных блоков, очевидно, возведённая позже. Ли Ян сказал, что там находятся уборные и кухня.

— Мне нужно в туалет, — сказал Янь Чувэнь и, как к себе домой, направился к пристройке.

Мы с Ли Яном остались ждать. Чтобы развеять неловкость, я завёл непринуждённую беседу.

— А это что за место?

В северо-западном углу храма рос огромный кипарис. За этим деревом, скрывавшим небо, в самом дальнем уголке, стоял маленький, покосившийся от времени деревянный сарай.

Ли Ян взглянул туда:

— Это дровяник, там хранят дрова.

— А, не темница?

— Темница? — удивлённо нахмурился Ли Ян.

Судя по его лицу, он говорил правду и его там никогда не запирали. Я сменил тему:

— Мо Чуань строг с тобой?

— Мо... — повторив лишь один слог, Ли Ян понял свою ошибку, быстро замолчал и, сверкнув глазами, поправил меня: — Нужно говорить «Пинцзя».

— Мо Чуань или Пинцзя, какая разница? — усмехнулся я. — До того, как он стал Яньгуанем, я всегда называл его Мо Чуанем.

Ли Ян насупился и со всей серьёзностью заявил:

— Это важно.

Он смотрел так, будто я произнесу имя «Мо Чуань» ещё раз, и он набросится на меня и укусит.

Спорить с ним не хотелось, пришлось уступить:

— Ладно, ладно, Пинцзя, Пинцзя.

Он немного успокоился, но разговаривать со мной явно больше не хотел. Мой вопрос он и вовсе проигнорировал.

Через некоторое время из уборной вышел Янь Чувэнь, протирая свои очки без оправы. Его близорукие глаза совершенно не заметили напряжённого выражения на лице мальчика.

— Пойдёмте, осмотрим главный зал, и как раз к обеду вернёмся, — сказал он, надевая очки.

На пути от домика к главному залу, вдоль стены, стояло множество горшков с растениями, похожими на зелёный лук. Ли Ян сказал, что это орхидеи, которые выращивает Мо Чуань. В хорошую погоду он выносит их погреться на солнце, а в плохую — заносит обратно. Очень нежные.

Мы вернулись к главному залу и у входа снова встретили Мо Чуаня, который принимал верующих. Пожилая женщина с обветренным лицом, проделавшая, видимо, долгий путь, была так взволнована встречей с ним, что крепко сжимала ворот своей одежды, а в глазах её стояли слёзы.

Казалось, одного лишь взгляда на Мо Чуаня было достаточно, чтобы поверить: боги непременно услышат её молитвы.

Ли Ян приложил палец к губам, призывая к тишине, и провёл нас внутрь, обходя их стороной.

Едва мы переступили порог, как оказались в полумраке. Когда глаза привыкли, я увидел прямо перед собой огромную статую божества с головой оленя и телом человека.

Статуя была около трёх метров в высоту, вся покрытая золотом. Она сидела в позе полулотоса, левая рука была опущена и скрыта в широком рукаве, правая — свободно лежала на колене. На обнажённой груди и запястье правой руки красовались роскошные ожерелья и браслеты.

Луч света, проникавший через отверстие в крыше, смешивался со светом масляных ламп на алтаре, и золотое тело божества сияло ещё ярче.

Я смотрел на Него, а Он — на меня. И хотя это была лишь статуя, мне показалось, что в Его глазах я увидел сострадание и милосердие.

Так вот он... бог народа Цэнлу, Шаньцзюнь, дух-хранитель Снежной горы Цанлань. А ещё — жена, муж и господин Мо Чуаня.

— Пинцзя обычно здесь медитирует и принимает посетителей. Ест он тоже здесь. Сбоку есть небольшая комната, где он спит по ночам. Ничего особенного, так что туда мы не пойдём, — войдя в зал, Ли Ян понизил голос и стал двигаться осторожнее.

Хотя я сам не верил в богов и духов, из-за Цзян Сюэхань с детства прочёл немало книг о религии. В дуньхуанских пещерах есть фреска «История о Короле-олене», повествующая о том, как Девятицветного оленя предали люди. Интересно, тот ли это олень, что и у Цэнлу.

Наконец, я отвёл взгляд и осмотрелся. Рядом со статуей стоял низкий столик, на котором были разложены все четыре «драгоценности рабочего кабинета». В центре лежал лист белой бумаги, и я подошёл поближе, чтобы взглянуть.

На бумаге красивым каллиграфическим почерком сяокай* был выведен отрывок, кажется, из «Алмазной сутры». Росчерки были сильными, структура иероглифов — изящной, а композиция — естественной.

Я хотел рассмотреть поближе, но тут передо мной появилась длинная бледная рука. Она взяла тонкий лист, сложила его вдвое и вложила в книгу.

— Что ты смотришь? — Мо Чуань вошёл незаметно. Он всё так же выглядел святым, не тронутым мирской суетой, но улыбка с его губ исчезла, а глаза стали тёмными и глубокими.

Неподалёку Янь Чувэнь что-то тихо обсуждал с Ли Яном, не обращая на нас внимания.

Мне захотелось забить в гонг, чтобы все обернулись и увидели, как их снежный бог меняет маски.

— Прости, — я тут же извинился и пожал плечами. — Не думал, что твои личные вещи будут лежать на таком видном месте.

Он не стал продолжать словесную перепалку, лишь бросил взгляд на Ли Яна и Янь Чувэня.

— Всё осмотрели?

Я улыбнулся:

— Всё, кроме вашей опочивальни.

Он посмотрел в сторону выхода.

— Раз осмотрели, то возвращайтесь поскорее. Ступени крутые и частые, в темноте идти будет трудно.

Он выпроваживал меня.

Я всё понял и, не тратя лишних слов, позвал Янь Чувэня, торопя его.

Янь Чувэнь, казалось, ещё не всё выяснил, но под моим напором ему ничего не оставалось, как поспешить за мной.

— Что случилось? — за двадцать лет нашей дружбы он, хоть и был не слишком проницателен, всё же понял, что я не в духе. — Опять с Мо Чуанем поссорился?

Мы уже отошли от храма на приличное расстояние. Убедившись, что вокруг никого нет, я остановился и глубоко вздохнул. Холодный воздух обжѐг лёгкие, и я тут же остыл.

— Он просто гомофоб, — я спрятал пол-лица в шарф и тихо выругался. — Пережитки феодализма.

Янь Чувэнь беспомощно покачал головой:

— Он — первый «Пинцзя», который уехал учиться и получил высшее образование. До него оракулы Цэнлу из поколения в поколение не покидали Цюаньсун, даже на самолёте не летали. Он вырос в консервативной среде и с детства вѐл аскетичный образ жизни. То, что он вообще может с тобой спокойно разговаривать, — это уже влияние современного образования. Неужели ты ждёшь от него благословения?

Я помню, Янь Чувэнь рассказывал, что народ Цэнлу раньше был очень отсталым и ещё более изолированным. Дети изучали только свою культуру, и мало кто говорил на языке Ся. Мо Чуань смог поехать учиться только благодаря тому, что тогдашний работник программы по борьбе с бедностью долго уговаривал старого Яньгуаня.

Я бросил на Янь Чувэня косой взгляд, засунул руки в карманы и, медленно спускаясь по ступеням, поправил его:

— Неоконченное высшее. Он не закончил университет, так что у него только аттестат о среднем образовании.

Янь Чувэнь на мгновение замер, а потом усмехнулся и пошёл рядом со мной.

— Большую часть времени он проводит в храме. Если не хочешь с ним встречаться, просто не приходи сюда.

Я кивнул, ничего не ответив, но в памяти невольно всплыла наша первая встреча в университете.

***

Четыре драгоценности рабочего кабинета (□□□□): кисть, тушь, бумага и тушечница.

Сяокай (□□): стиль китайской каллиграфии, характеризующийся мелкими и изящными иероглифами.

История вымышленная, провинция Шаньнань здесь не имеет отношения к реальной провинции.

Брахмачарья (比丘): в буддизме — практика чистоты, воздержание от сексуальных контактов.

Прошу прощения, вчера допустил ошибку в транскрипции. Правильно: Пинцзя (pín jiā), «пинь» читается вторым тоном.

***

<http://bllate.org/book/13443/1197026>